

Российская академия наук
Министерство образования РФ
Институт российской истории РАН
Омский государственный университет

Мир историка. XX век

Москва
2002

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Раздел I. Историк и время	
О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы (А.Н. Сахаров).....	7
Поколение как смена субкультур историков (Л.А. Си- дорова).....	38
Церковно-академическая среда в начале XX века. Трансформация ценностей (С.П. Бычков).....	54
Историк – очевидец событий: "ситуация пограничья" (В.Л. Кожевин).....	69
Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция (В.П. Корзун, М.А. Ма- монтова, В.Г. Рыженко).....	92
Историк в меняющемся мире: территория поиска – про- винция (1918 – начало 1930-х гг.) (В.Г. Рыженко).....	139
Локальное научное сообщество историков в 90-е годы XX века (на материалах города Омска) (О.В. Кузнецова).....	179
Формирование школы А.Л. Сидорова в изучении соци- ально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков (Б.А. Осадченко).....	200
Историографическая судьба "нового направления" (В.Б. Шепелева).....	219
Раздел II. Лаборатория историка	
Индивидуальность в научном творчестве историка (М.Г. Вандалковская).....	258
Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России (А.Н. Соколов).....	279
Советские историки в поисках объективности: приме- нение количественных методов в региональных исследовани- ях по истории интеллигенции (Д.А. Алисов).....	345
Раздел III. Документы и материалы	
3.1. Историк в мире научного сообщества	
Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову.....	363
Письмо М.А. Дьяконова В.Г. Дружинину и С.Ф. Пла- тонову.....	387
П.Н. Милюков – Е.Ф. Шмурло.....	389

3.2. Русский историк в мире путешествий	
Письма А.С. Лаппо-Данилевского Е.Д. Лаппо-Дани-	
левской	390
Шмурло Е.Ф. <Заметки о поездке на Алтай>	410
Шмурло Е.Ф. <Заметки о Черногории>	412
Шмурло Е.Ф. <Путевые заметки об Испании>	420
Шмурло Е.Ф. <Письмо брату из Италии>	422
Письмо П.Н. Милюкова Е.Д. Кусковой	423
Сидоров А.Л. Чехословакия. Прага. Октябрь 1946 –	
февраль 1947 года.....	425
Сидоров А.Л. Зденек Романович Неedly	438
3.3. Историк в мире литературы и искусства	
Стихи и эпиграммы С.Ф. Платонова	445
Кизеветтер А.А. Из воспоминаний.....	447
Шмурло Е.Ф. <Заметки об итальянской живописи>	457
Шмурло Е.Ф. <Искусство Италии>	459
Именной указатель	464
Список сокращений	475

3.2. РУССКИЙ ИСТОРИК В МИРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ

ПИСЬМА А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО Е.Д. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОЙ*

*Париж, июль 1896 года*⁷¹⁶

Письма мои принимают характер дневника, набрасываемого на бумагу довольно поверхностным туристом, форма эта скучноватая, но что делать, когда такие расстояния. На мои вопросы твои ответы приходят через неделю с лишком и обратно.

Сегодня утром я отправился в Notre Dame послушать орган в 86 регистров и с лишком 5½ тысяч труб. Старинное здание XII века не поражает своими размерами. В прежние времена, когда Notre Dame подавляла окружавшие ее средневековые городские домишки своим величием, она казалась, вероятно, гораздо больше, чем теперь, окруженная большими пятиэтажными домами нашего века. Гармоничное сочетание различных частей здания немало способствует замечательному впечатлению, какое выносишь при первом взгляде на него. Передний фасад, который хорошо виден благодаря довольно большой площади, устроенной недавно, состоит как бы из трех этажей. Каждый последующий – ниже и легче предшествующего, этому способствуют застекленные окна в среднем этаже и легкая сквозная колоннада, в сущности, представляющая третий этаж. За фасадом, точно из корпуса здания, высятся хотя и недостроенные (без конусов башни Notre Dame). Нижние их части, впрочем, очень высокие, окружены contrefort'ами, средние, поменьше, с четырех сторон освещены длинными окнами готического стиля. А верхние (которые, вероятно бы, придали башням менее грозный вид – отсутствуют. Между башнями начинается nef⁷¹⁷, т. е. главный корпус, рядом с которым по бокам идут два

* Публикацию писем А.С. Лаппо-Данилевского к жене и комментарии подготовила В.П. Корзун.

⁷¹⁶ В 1896 году А.С. Лаппо-Данилевский получил от Санкт-Петербургского университета свою первую командировку за границу "с ученой целью в каникулярное время".

⁷¹⁷ Неф (корабль) (франц. nef, от лат. navis – корабль) – вытянутое помещение, часть интерьера (обычно базилики), ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов.

малые корабля с нишами, где теперь устроены малые алтари и похоронены разные лица, в том числе и верный сын католической церкви Pasteur⁷¹⁸. Центральный корабль длиннее боковых. В том месте, где заканчиваются эти последние, над главным корпусом подымается новая башня с суживающейся верхушкой. Наружные стены корабля всюду пробиты на большой высоте длинными и узкими готическими окнами, подпертыми очень сложной и живописной системой архитектурных укреплений. Когда войдешь в одну из дверей, покрытых по сторонам множеством скульптур, перед тобой открывается высочайший свод, жаль только, что он замыкается слишком тупой линией сверху. Свет в церковь падает сверху из застекленных цветными стеклами окон. Все цвета радуги, проходя через них, дают таинственное освещение, гармонизирующее с этими почти голыми, строгими стенами и тонкими длинными колоннами, точно неудержимо стремящимися вверх.

Но сильнее всего на меня в этой обстановке подействовал орган и церковное пение, сопровождавшее воскресную службу.

Музыкальный фон органа – глубокий рокот, точно отдаленные раскаты грома. На этом фоне выделяются звуки то сильные и торжественные, то нежные и дражайшие, как бы теряющиеся в высоких сводах церкви. Между звуками нет резких переходов, они свободно переливаются друг в друга и сочетаются в дивную гармонию, которая может доходить до самых сложных музыкальных концепций контрапункта. Но в церкви играл не один, а два органа. Один расположен был над входом (главный), другой – подле алтаря. Второй служил аккомпанементом для церковного пения. Звуки неслись таким образом с двух концов храма, навстречу друг другу, чередовались и соединялись вместе. Я ничего подобного не слышал и просидел бы целый день, если бы к 11½ служба не закончилась и могучие звуки не затихли. Пришлось встать и отправиться по своим обычным делам в другую часть города...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3 Д. 10. Л. 49–51.

⁷¹⁸ Луи Пастер (Pasteur) Луи (1822–95), французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии.

Путешествие мое прервалось временной остановкой в Берлине, куда приехал я сегодня утром и куда я думаю выехать дальше в Лондон послезавтра... Завтра зайду еще раз после двух лет посмотреть Пергамские рельефы в National-Gallerie, где, вероятно, уже немало нового, а вечером буду слушать "Лознгрин", для чего я, правду сказать, остался лишний день. Мне также хотелось попасть в университет на лекцию какого-нибудь известного мне лица, но, к сожалению, все эти лица читают приватные лекции (т. е. маленькому числу специалистов, в среду которых попасть простому зрителю на один раз, конечно, неудобно). Студенты все в статских платьях, никаких надзирателей за ними не видно, официальное расписание преподавателей не вывешено, а каждый профессор собственноручно оповещает студентов о предметах и времени чтения. В этом чувствуется простота и близость в отношениях между лектором и слушателями. Иногда лекции читаются на дому – здешнее общество и правительство как-то доброжелательно относятся к студенчеству. В нем точно чувствуют здесь силу новых поколений, надежду нации. Такое доверие, конечно, возлагает на студентов обязанность оправдать его, они, вероятно, сознают это и таким образом возникает то нормальное отношение, какое существует здесь между молодежью и общественно-правительственными силами. И горько было думать о быте наших студентов. Конечно, и здесь есть обратная сторона медали. Нередко встречаются молодые люди со шрамами на лицах от ран, полученных на дуэлях, и тут попадаются полупьяные студенты, но в них не убита жизнерадостность, они умеют пользоваться в жизни настоящим и верят в будущее, что дает им большую силу. Эта сила получает еще большее значение, потому что подчинена известной организации. Стоит войти в Vorhalle университета, и сейчас же бросается в глаза несколько десятков объявлений о разных Verein'ax⁷²⁰, которые назначены тогда-то и там-то. Связь между кончившими студентами и профессорами, то есть между подрастающими и стареющими поколениями, не теряется, а это имеет громадное значение для развития страны, которое благодаря этому становится более непрерывным и последовательным.

ПФА РАН. Ф. 113 Оп. 3 Д. 10. Л. 55 об – 56.

⁷¹⁹ В 1898 году историк получил от Санкт-Петербургского университета вторую научную командировку за границу.

⁷²⁰ Vorhalle (нем.) – фойе, холл; Verein (букв. союз) – землячество, объединение студентов.

Лондон, июль 1898

Сегодня утром я проснулся на пароходе уже у берегов Англии. В Лондоне я попал случайно не в тот пансион, который мне рекомендован, но остался там, так как комната чистая, выходит в садик с большими платанами и рядом Британский Музей, что очень удобно. Прежде всего я сегодня устроился для занятий в Библиотеке, а затем побывал в окрестностях города и в таких садах, каких отроду не видел и каких, быть может, никогда не увижу. Это – New-garden. В первую минуту в непрерывном море зелени, свежей, только что распустившейся, разобраться было трудно, но мало-помалу глаза привыкли, и я стал различать бесконечное множество оттенков. Газоны великолепны, точно по персидскому ковру, тянутся они на громадное расстояние и лишь кое-где прорезаны дорожками. На лугах и лужайках множество деревьев самых разнообразных пород, их пересадили сюда со всего света: громадные кедры ливанские и сладкие каштаны растут рядом с северными пихтами. Деревья из Австралии и островов Океании образуют живописные группы с растениями всех частей света. Те, которые не выдерживают здешних туманов, ютятся в теплицах, и каких теплицах! Это настоящие дворцы из железа и стекла. Многие из растений цветут яркими цветами. Пройдешься по этим оранжереям и почувствуешь всю силу и великолепие природы в бесконечном разнообразии ее форм. Вся эта растительность и пруды населены разными породами птиц, опять-таки и блуждающих на воле по воде и газонам. Тут были и черные лебеди, все это, как в сказке. Я три часа бродил среди всей этой массы, среди живых, полуодушевленных, полуразумных, как очарованный. Громадное стечение публики не мешало моему общению с природой, которая стала еще прекрасней, когда наконец рассеялась мгла и солнце ярко осветило всю эту картину. Я вернулся после этой прогулки, как после хорошего концерта, и более трех часов я воспринимал гармонию красок, чувствовал за ней или в ней то дыхание жизни, соприкосновение с которым придает нам всегда большую силу и бодрость духа. Написав эти строки, я только что понял, почему мне так было радостно на душе, когда я возвратился с этой прогулки.

ПФА РАН. Ф. 113 Оп. 3 Д. 10. Л. 56–57 об.

Лондон, июнь 1908

Завтра я надеюсь закончить осмотр Британского музея, который отнял у меня так много времени частью потому, что я начал

занятия в рукописном отделении, где нашел кое-что для себя интересное и что берет несколько часов в день, частью и потому, что музей громадный и быстро освоиться с ним очень трудно и утомительно. В 53-х залах его скопилось множество сокровищ, характеризующих пять последовательных наслоений в истории развития человеческой культуры, каждый из которых иллюстрирован в музее более или менее однородными по месту и времени вещественными памятниками цивилизации. Вслед за первобытной культурой идет древнейшая, далее древняя, классическая, еще позднее, конечно, поставить средневековые и, наконец, – Новое время. Эти хронологические термины имеют в сущности условное значение, но трудно заменить их другими, более подходящими. Последние два периода, к сожалению, очень плохо иллюстрированы, м[ожет] б[ыть], потому, что в данном случае, вероятно, большее значение имеет "Kensington"⁷²¹ и "National gallery". Общие выводы, которые можно сделать при осмотре всех этих сокровищ, сами бросаются в глаза; прежде всего нельзя не заметить, что предметы первобытной культуры почти всюду одни и те же... Но уже в древнейший период разнообразие форм увеличивается и растет по мере развития. Далее, постепенность и медленность этого развития также обращает на себя внимание даже поверхностного наблюдателя. Шаг за шагом двигалось вперед человечество, нередко даже отступая назад, для того чтобы новым путем идти дальше. Весьма вероятно при этом, что более простые формы культуры развивались быстрее более сложных. Впрочем, и в развитии простейших форм можно заметить прогресс, что *способы* достижения *этих* форм постепенно совершенствовались. То же обобщение, конечно, с еще большим правом можно отнести к истории сложнейших форм вещественной культуры.

Эта медленность и относительность верны не только на протяжении развития всего человечества, но, может быть, еще ярче выступает в истории отдельных народов. И чем дальше ушел народ, тем сильнее обнаруживается этот закон. Наконец, можно сделать еще один вывод касательно развития: периоды его постепенно сокращаются во времени. Все эти обобщения мне были известны, конечно, и раньше. Но они ярче выступают, когда сразу обзрешь развитие человечества в таком музее, как Британский.

ПФА РАН. Ф. 113 Оп. 3 Д. 10. Л. 57 об–59 об.

⁷²¹ Музей Науки в Лондоне. В районе Лондона Южный Кенсингтон в 1857 году была открыта экспозиция "Научная коллекция", включавшая модели различных машин, механизмов и производств, книги и приспособления для демонстрации естественно-научных эффектов.

*Рим, апрель 1902**

Пока пишу тебе только несколько слов утром, после позднего приезда сюда ночью из Флоренции, где я провел лишь неполный день. Путешествие было довольно тяжелое от жары, но окна с обеих сторон были открыты, и воздух в горах удивительной нежности, все деревья покрыты еще не потемневшей зеленью, кругом цветы и так много света. По дороге я получил первый Итальянский обед, с ароматным миндалем, свежими вишнями и апельсинами. В Венеции остановка была только 20 минут, и поздно вечером я прибыл во Флоренцию. О своих впечатлениях напишу в следующий раз...

ПФА РАН. Ф. 113 Оп. 3 Д. 10. Л. 68.

Рим, апрель 1902

Вот уже два дня, как я живу здесь. Пока Нелидов (наш посол) не получит аудиенции у короля (по поводу доступа для занятий в Palazzo Reale⁷²² в Неаполе), я могу оставаться в Риме и не знаю еще, когда мне можно будет заняться своим делом, так как хотя Нелидов обещал устроить его, но ведь он сам в зависимом положении.

Во Флоренции, к сожалению, дождь лил ливнем целый день. Пришлось отказаться от удовольствия еще раз увидеть флорентинские улицы при солнечном свете. Я решил воспользоваться десятичасовым своим пребыванием там для того, чтобы прежде всего и главным образом осмотреть церковь Santa Croce и Музей Святого Марка. В церкви есть знаменитые фрески Джотто, а в Музее не менее известные картины Fra Angelico⁷²³, и оба они одни из лучших представителей раннего флорентийского возрождения. Один – друг Данте, другой – современник Саванароллы⁷²⁴.

* Командировка от Академии наук (отделение истории древностей российских) с целью архивных разысканий сочинений "латинумудрствующих" и "приверженцев эллино-греческого учения".

⁷²² Королевский дворец в Неаполе – построен в начале XVII века как резиденция испанских вице-королей. В настоящее время здесь находятся Национальная библиотека и Музей.

⁷²³ Fra Angelico (Фра Джованни да Фьезоле, Fra Giovanni da Fiesole) (прозвище Беато Анджелико) (ок. 1400–55) – итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения. Его кисти принадлежат фрески монастыря Сан-Марко во Флоренции, 1438–45.

⁷²⁴ Саванарола (Savonarola) Джироламо (1452–98) – настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи,

Церковь Santa Croce сама по себе хороша. Она еще очень простого и величественного стиля, кажется близкого к готическому, но без сводов наверху. Фрески Джото произвели на меня сильное впечатление. В них еще чувствуется религиозное настроение, которое живопись позднейшего времени утратила, фигуры его торжественны, вместе с тем просты и хорошо подходят к церкви. Особенное впечатление произвела на меня картина, изображающая вознесение Святого Иоанна: с удивительной легкостью и непринужденностью движений в его фигуре соединяется глубоко верующее настроение. Иоанн представлен в то время, когда он поднимается над гробом и простирает руки к Христу, готовому принять его в свое лоно. С обеих сторон на земле ученики Иоанна. Слева они смотрят вниз и поражены видом пустого раскрытого гроба, справа они глядят вверх и благоговейно созерцают происходящее.

В Музее Св.Марка также много интересного. Многие из фресок fra Angelico мне были известны по рисункам и не дали ничего особенно нового для понимания художника, но есть здесь им же написанное распятие, которое, мне кажется, представляет его в совершенно новом свете. Фигуры святых, стоящих вокруг Христа, все проникнуты глубокой скорбью, но в каждой из них (а их всего 20) эта скорбь выражена различно, начиная с скорбного экстаза Франциска Ассизского и кончая горестным страхом одного из ангелов.

За тем я успел только зайти в капеллу Медичи, посидеть перед L'auroga и il Стероскоба, la Notte и il Giorno⁷²⁵ и, побродивши под дождем по улицам, отправился на вокзал...

ПФА РАН. Ф. 113 Оп. 3 Д. 10. Л. 68–70.

обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру (организовывал сожжение произведений искусства). После изгнания Медичи из Флоренции в 1494 способствовал установлению республиканского строя. В 1497 отлучен от церкви, по приговору приората казнен.

⁷²⁵ Капелла Медичи – сложный архитектурно-скульптурный ансамбль, образное содержание которого породило различные толкования. Статуи герцогов Лоренцо и Джулиано Медичи, сидящих в неглубоких нишах на фоне архитектурной антикизированной декорации и облаченных в доспехи римских императоров, лишены портретного сходства и, возможно, символизируют Жизнь деятельную и Жизнь созерцательную. С графически легкими очертаниями саркофага контрастирует пластическая мощь огромных статуй Дня и Ночи, Утра и Вечера, лежащих на покатых крышках саркофага в мучительно-неудобных позах, как бы готовых соскользнуть с них.

Рим, апрель 1902

Выполнение некоторых формальностей задерживает мою работу здесь, хотя возможность заниматься в Ватиканской библиотеке я уже получил и познакомился с заведующим ею. Пока много гуляю по улицам и закоулкам Рима. Нигде, конечно, нет такого удивительного смещения разных времен, нигде нельзя так легко погрузиться в совершенно иную эпоху. Вчера я отправился в Колизей и долго ходил внутри и вне его стен. В душу вкралось невольно какое-то особенно торжественное настроение. Подполья арены заросли ярко-зеленой травой, на которой резко выступают, точно капли крови, цветы мака и, странно, одного только мака. В одну из арок старого языческого колосса, пропитанного христианской кровью, я увидел триумфальную арку Константина, сооруженную в честь победы христианства над язычеством, а далее и еще выше на синем небе выделялась старинная христианская церковь.

И таких видов очень много в вечном городе...

Сегодня я взобрался на Капитолий, откуда прекрасный вид на форум, долго смотрел на длинные ряды роскошных колонн, арок и храмов, среди которых шла дорога, ведущая в Колизей...

ПФА РАН. Ф. 113 Оп. 3 Д. 10. Л. 70–71.

Рим, апрель 1902

В ожидании разрешения проникнуть в Неаполитанский дворец⁷²⁶, я все еще работаю в Ватиканском архиве, который производит величественное впечатление. Правда, внешний вид его ничего особенного не представляет, но, когда убедишься в том, что тут хранятся рукописи с 163 по 1900, что в залах архива накоплены сведения, притекавшие сюда в течение многих столетий из разных концов света. Когда увидишь вокруг себя ученых всевозможных национальностей и услышишь разговоры на всех языках Европы, то невольно проникаешься уважением ко всему учреждению. В нем еще много средневекового, все должностные лица католические священники разных видов, званий и орденов. При прохождении через залу занятий кардинала сторожа хлопают в ладоши, и все встают. Сегодня какая-то festa, и архив закрыт. Я, может быть, соберусь на Палатин...

ПФА РАН.. Ф. 113 Оп. 3 Д. 10. Л. 71.

⁷²⁶ Palazzo Reale – см. примечание к предыдущему письму.

Вчера утром лил дождь и, казалось, небо никогда не прояснится. Я хотел было предпринять поездку в Альбано, родину римлян и самого Рима, но, при виде хмурого неба, принялся за работу. К часу, однако, небо стало проясняться, и я решил пройти пешком по той самой *Via Appia*⁷²⁷, по которой мы ездили с тобою два года тому назад. Я вышел из города в Римскую Кампанию⁷²⁸. С первых же шагов мне пахнуло древностью: старинные полуразвалившиеся церкви или монастыри стоят у дороги, которая вьется между высокими серыми стенами. Я скоро вышел на *Via Appia* и прошел далеко за надгробный памятник *Saexilliae Mettel*⁷²⁹, туда, где мы с тобою не были. Если дорога до него полна воспоминаниями о ранней поре христианства, о Петре и легенде *Quo Vadis*⁷³⁰, и жителях катакомб, о христианской крови и слезах, которые, вероятно, омочили каждый из старинных камней, лежащих на пути, то после величавой башни Цецилии, одиноко и резко выступающей на темно-синем небе, впечатления меняются. Шоссе идет между двумя рядами гробниц языческого римского времени. Большинство из них, конечно, совершенно разрушено, и пепел мертвецов давно рассеян ветром по пустыне и диким полям Кампании, но часто еще встречались мне и полуразвалившиеся кирпичные здания, в виде маленьких четырехугольных домиков, вероятно в прежнее время обложенных мрамором и украшенных статуями и рельефами, множество обломков которых рассеяны повсюду кругом. В домиках еще кое-где видны своды и своеобразные ниши, в которых были замурованы урны. Есть и рельефы умерших. На одном из них изображен статный римлянин по пояс, с надписью: *S. Vabirius Hermadogus*, за ним две женщины с благодарно задумчивыми лицами – все из хорошего белого мрамора. А кругом дороги с ее полуразрушен-

⁷²⁷ Аппиева дорога (лат. *via Appia*) – первая римская мощеная дорога, проложена при цензоре Аппии Клавдии в 312 до н. э. между Римом и Капуей (350 км); в 224 до н. э. доведена до Брундизия. Сохранилась почти вся.

⁷²⁸ Кампания (*Campania*) – административная область на юге Италии. Административный центр – Неаполь. Включает провинции Авеллино, Беневенто, Казерта, Неаполь, Салерно.

⁷²⁹ Метелл Нумидийский (*Metellus Numidicus*) (?–91 до н. э.) – римский полководец, консул в 109 г. В 109–107 гг. возглавлял римские войска в Африке в войне против нумидийского царя Югурты. В 100–99 гг. находился в изгнании за отказ поддержать в сенате законопроект Апулея Сатурнина.

⁷³⁰ *Quo vadis* [Domine]? (лат.) – Куда идешь [господин]? Согласно христианской версии, с такими словами обратился апостол Петр, шедший из Рима с учеником Назарием, к Христу, идущему в Рим. Христос ответил, что идет в Рим на второе распятие.

ными гробницами – совершенная пустыня, но пустыня, населенная могучими призраками прошлого.

Всюду виднеются громадные, полуобвалившиеся акведуки, которые длинными рядами арок тянутся по долине, кое-где между ними встают искалеченные дворцы, храмы и виллы. И только стада овец с пастухами, одетыми в овечьи кожи, изредка прерывают величавое молчание навеки погибшего прошлого. Постоянная игра света и теней в этот день еще усиливала мои впечатления. По небу носились тучи, и тени их скользили по развалинам. Казалось, что они сами готовы дрогнуть от ужаса при виде своего запустения. К вечеру поднялся ветер, он стал шелестеть травой и сгонять тучи к Апеннинам и Албанским горам, совсем потемневшим. Мне сделалось жутко. Не отдохнув, я скорым шагом пошел назад, точно зашел куда не следует, где должны быть вечная тишина и покой... На сегодня довольно. Такие впечатления, вероятно, надолго останутся в душе...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 72–73.

Неаполь, апрель 1902

Вот я и добрался до предела своего путешествия. Дорога из Рима в Неаполь, горы и красующиеся на них города, развалины церквей и замков очень живописны. Сегодня утром я вышел на набережную, совсем лето, блистающее темно-синее море и вдали Везувий, со множеством белеющих домиков у его подошвы. Воздух чудный вблизи Villa Nazionale⁷³¹ с ее лавровыми деревьями и пальмами. Понапрасну побывав в Palazzo Reale я провел все утро на море. После обеда снова зашел в Palazzo Reale и, наконец, получил нужную рукопись. Хотя ничего нового в ней, по-видимому, нет, но она дает много такого, чего не может дать копия, и, как я теперь вижу, с ней следовало познакомиться...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 73–74.

Неаполь, май 1902

Вчера я попал в оперу, хотя и не важную – Мапоп Massenet, но все же я давно не слышал никакой музыки, да и на итальянцев

⁷³¹ Часть площади Piazza Municipio с парком перед Королевским Дворцом.

было интересно посмотреть. Голоса у певцов удивительно хорошие. У нас при таком теноре, какого я слышал вчера, нельзя было бы достать билета, а тут театр наполовину пустой, да и присутствующая публика, хотя и увлекается отдельными ариями и нотами, но не слушает всего внимательно: приходят с газетами, говорят громко друг с другом и т. д. Притом начало в 9 часов вечера, а конец в 1 час ночи, так что я ушел после третьего акта и вынес не глубокое, а только приятное впечатление от хорошего исполнения довольно поверхностной музыки.

Сегодня воскресенье, единственный свободный у меня день, я провел не совсем удачно, так как заранее не успел ничего обдумать. Зашел в Национальный музей, затем отправился в Помпею. Пытался пройти пешком в Sorrento, но не удачно: было еще слишком жарко и по дороге глубокая пыль. Так что уже в 6 вечера вернулся обратно в Неаполь. Завтра надо снова приниматься за работу, от которой у меня остается мало свободного времени: от 12 до 2-х на завтрак и езду туда и обратно и после 6 вечера. Еще не могу сказать наверное сколько времени я здесь пробуду...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 74.

Неаполь, май 1902

Работа моя продвигается довольно успешно, благодаря моему помощнику. Но сегодня была mezzafesta – полупраздник, и signor direttore заявил, что в 4 часа basta. Пришлось уйти, чему я даже был рад, так как работа моя убийственно скучная, и я чувствовал, что засыпаю. Я воспользовался свободным временем, чтобы сделать прекрасную прогулку с видом на весь Неаполитанский залив, на Капри и на южное море. Устал и потому пишу сегодня только несколько слов. В сущности дни мои проходят здесь очень однообразно. Почти все время провожу за разбором рукописи в одной из комнат дворца, куда почти никто не заглядывает, сидишь как у себя дома. Жаль только, что нет никакого вида из окна, так как оно проделано где-то вверх. Жаль и то, что signor direttore, по примеру всех итальянцев, немилосердно кричит на всю "casa", раскаты его голоса ежеминутно раздаются за дверь. Впрочем, я к ним привык, как привыкаешь к грохоту трамвая под окном. Почти всю дорогу в Palazzo Reale я могу пройти набережной, это мое главное удовольствие. Почти наверное кончу на этой неделе и выеду на Цюрих, Мюнхен, Галле, Берлин и Кенигсберг...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 74–75.

Сегодня, в воскресенье, у меня много свободного времени, и я мог бы воспользоваться им для того, чтобы немного привести в порядок свои впечатления и поделиться ими с тобой, но вполне подходящего настроения для этого нет: такие тяжелые, тревожные слухи о том, что делается у нас в России мало располагают к спокойному созерцанию окружающего, а тем более к его изучению, да и сил и времени на это мало. Так как, однако, мне хочется писать тебе, то буду писать, что в голову придет и что припоминается из новых впечатлений в Италии...

В Верону попал я довольно случайно, вследствие ошибки в печатном "Ogagio" (ведь это не Германия, с ее точными сведениями в путевых указателях). Убедившись в этой ошибке, я за две-три минуты до отхода поезда выскочил из вагона со своим легким багажом и отправился по конке в незнакомый мне город. Конка привела меня прямо на базар, самое живописное место в Вероне, но и самое шумное, а кругом старинные узкие, извилистые улицы, со множеством переулков и закоулков. Очень усталый от дороги, я, признаюсь, несколько запутался во всех этих ходах, переходах и выходах, но через полчаса все-таки разыскал рекомендованный отель и не пожалел о том, что остался на несколько часов в бывшей временно резиденции Теодориха Великого⁷³².

В Вероне есть несколько замечательных памятников. При первом взгляде на них переносишься то в римскую колонию, одну из самых цветущих в северной Италии, то в средневековую романскую культуру, то позднее Возрождение.

На окраинах того полуострова, который омывается рекой Адиге, до сих пор стоит громадный амфитеатр, сложенный из обтесанных кусков дикого камня. Правда, два этажа его не сохранились, но и двух оставшихся достаточно, чтобы дать наглядное представление о римском амфитеатре: внутри почти все в целости. Я бродил по его коридорам и, заглядывая в отдельные камеры, увидел в одной из них груду, очевидно, тут же раскопанных костей, и костей человеческих.

Из амфитеатра я скоро попал в совсем другой мир, в храм Святого Зенона, покровителя Вероны. И, надо правду сказать, Верона сумела отдать должное своему патрону. Мне до сих пор не приходилось видеть более простого и благородного в своей про-

⁷³² Теодорих Великий (Theodorich) (ок. 454–526) – король остготов с 493 г. При Теодорихе остготы завоевали Италию и основали в 493 г. свое королевство. Проводил политику сближения остготской и итало-римской знати.

стоте памятника романского искусства XII–XIII века. Замечательной гармонией линий и тонов веет от этой базилики с ее стройным *campanile*⁷³³: она не обложена цветными, мраморными плитами, поперечные линии которых так резко нарушают стройность архитектурных форм, они выступают еще лучше, благодаря почти полному отсутствию всяких статуй и декоративных побрякушек или расцвеченных алтарей, которыми так любят щеголять католические церкви. Почти суровая простота смягчается в них гармоничностью пропорций и мягкостью романских сводов. А у самой церкви Святого Зенона есть еще дворик с колоннадой, оставшейся от монастыря того же времени и построенный в том же чисто романском стиле. Из-под колоннады с маленькими романскими арочками через запустевший и заросший травой четырехугольный двор можно видеть, как на ярко-синем небе вырисовывается и церковь Святого Зенона и ее стройный *campanile*. И все это вместе производит замечательно цельное и глубокое впечатление.

Есть еще много интересного в Вероне, но пришлось все это оставить в стороне, также и *Sepolcro di Giulietta*⁷³⁴ в одном садике.

Вот тебе несколько лучших моих впечатлений от Вероны. Остальное до следующего раза, я и так уж очень расписался...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 76–78.

Флоренция, июнь 1905

Посылаю тебе открытки ежедневно... С 10 до 4-х часов занимался в *Biblioteca Nazionale*, где мои дела идут порядочно. Благодаря этой работе, я теперь уже несколько познакомился с итальянской и фландрской сфрагистикой, что мне как раз не доставало. Сегодня нашел здесь по сфрагистике Фландрии книгу, которой нет в Берлинской библиотеке. После обеда провел два часа в *Bargello*⁷³⁵, где осмотрел большую половину богатой коллекции печатей, а сейчас думаю бежать из душного города на *Muniato*⁷³⁶, где, вероятно, останусь до вечера...

Сегодня какой-то национально-религиозный праздник и все учреждения закрыты. Я воспользуюсь этим временем, чтобы написать тебе письмо подлиннее. После десятидневного пребывания здесь, у меня накопилось несколько впечатлений, только они улич-

⁷³³ Колокольня.

⁷³⁴ Гробница Джульетты на набережной Капулетти в Вероне.

⁷³⁵ Музей в Вероне.

⁷³⁶ Предместье Вероны.

ные, а не музейные, потому что время, когда открыта библиотека, открыты и музеи или галереи, и, просидев это время за библиотечным столом, мне не оставалось ничего лучшего, как ходить по улицам, разъезжать по окрестностям, любоваться видами и присматриваться к людям. Природа здесь чудная: задавленная массой камня в самом городе, она в полном блеске разворачивается за его стенами. Теперь здесь почти одуряющий аромат от множества великолепных лип в полном цвету. Платаны, мирты и лавры, кипарисы и магнолии растут на свободе. Вечером игра света и тени среди этой листвы на фоне совсем голубых гор или редкие и строгие облики потемневших кипарисов на далеком небосклоне производят чарующее впечатление. Воздух нежный и теплый, и в полночь и под утро также ровно и мягко дышит природа.

В таком климате, вероятно, должен складываться и соответствующий тип населения: оно столь же полно неги, как и окружающая его природа. Отсюда и преобладающую характерную черту его, как мне кажется, можно свести к жизнерадостному эвдемонизму⁷³⁷. Здесь легко несколько понять ту особенность национального типа, которая, вероятно, еще резче когда-то обнаруживалась в Греции. И здесь, подобно античной и классической Родине эвдемонических систем морали, в основе человеческих настроений, пожалуй, прежде всего, лежат эвдемонические оценки: люди хотят жить, главным образом, в свое удовольствие. Им незачем заботиться о чистоте, опрятности, порядке – все это довольно скучный труд, которого природа не требует от них, им приятно *dolce farniente*⁷³⁸, и даже в тех случаях, когда удовольствие противоречит пользе, они готовы пренебречь ею. Замечательно здесь отсутствие практичности: многое остается как-то недоделанным или сделано для удовольствия. В этом отношении характерны, например, общественные сады и театры. Не говоря об отсутствии таких садов в самой Флоренции, и загородные сады пригодны больше для того, чтобы проехать по ним в экипаже, чем для пешеходных прогулок, их нельзя назвать красивыми. Театр же, в котором я слушал *Rigoletto*, производит прямо курьезное впечатление: он очень похож и снаружи и внутри на огромную конюшню, но конюшню, изнутри обложенную мраморными досками и разукрашенную мраморными колоннами. Декорации никуда не годные: сцена бу-

⁷³⁷ Этическое направление, считающее счастье, блаженство (греч. *eudaimonia*) высшей целью человеческой жизни; один из основных принципов древнегреческой этики, тесно связанный с сократовской идеей внутренней свободы личности, ее независимости от внешнего мира.

⁷³⁸ *Dolce far niente* (ит.) – сладостное безделье или ничегонеделанье.

ри, во время которой при свете "молнии" видно снятое полотно с кое-как намалеванным ландшафтом, производит просто комическое впечатление. Голоса отличные у солистов, а хоры небрежные, в одном месте даже просто спутались в такте. Публика также характерна: ей нужно удовольствие во что бы то ни стало. Если артист не повторит арии, которая ей понравилась, раздается оглушительный свист и шум, но артист, выдержавший эту бурю, через минуту новой арией вызывает новые восторги и, очевидно, уже привык к таким переменам.

Эвдемонизм флорентинцев значительно смягчается, конечно, искусством, т. е. той областью духовной деятельности, в которой гедонизм легко может получить более высокое выражение. Замечательно, что музыка, которая, кажется, всего дальше от чистого гедонизма из всех искусств, всего меньше представлена во Флоренции.

Даже в церковной музыке, которая так западает в душу в Кельнском соборе, чувствуется какое-то чуждое ей настроение, по крайней мере, за то время, что я здесь, меня несколько раз тянуло в церковь, но, побывав и на торжественном богослужении, я уходил разочарованным. Для настоящей музыки у итальянцев точно не хватает внутреннего содержания и глубины чувства, без которых музыка становится своего рода удовольствием, а не искусством.

Можно сказать, пожалуй, что во Флоренции же процвели и Микель-Анджело и Леонардо да Винчи и одно время Рафаэль. Да, но это, кажется, нисколько не противоречит моей теории. Во Флоренции жил и Саванаролла, но такие люди должны были возникать в виде исключений именно в той среде, против которой нужно было протестовать. Что же касается до корифеев искусства, то прежде всего то, что я писал выше, относится к обыкновенному типу населения, а не к исключительным личностям, а затем, может быть, на такой именно почве легче, чем на другой, вырастали и те гиганты искусства, из-за которых не видно остальных. Вот те мысли, которые занимали меня во время моих прогулок за последние дни. Правильны ли они, не знаю. Много другое мне также приходило в голову при наблюдении демократических нравов населения, но сейчас поздно и хочется на воздух.

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 78-81.

*Женева, июль 1909*⁷³⁹

Так жаль, что мы не вместе. После всей этой процедуры можно было бы хорошо проездиться, и мне завидно смотреть на тех делегатов, которые приехали сюда не одни.

Прибыли мы в Женеву с Ч. вчера вечером. Я уговорил его прервать путешествие в Страсбурге на два часа, чтобы посмотреть собор. Мне было хорошо, но с чужим человеком все же не совсем. С нами еще ехал П. Признаюсь, я жалею, что взялся за это дело, не стоило. Пока одно только дело сделал: в Берлине закупил у букиниста несколько книг. Здесь, думаю, все время можно будет играть роль статиста и тем и ограничиться, но это скучно. А вось, после этих ненастных дней погода установится, и можно будет постранствовать, пока же дождь льет как из ведра. Сейчас надо одеваться и идти на presentation и прочую белиберду.

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 82.

Женева, июль 1909

Вчера вечером я взялся произнести маленькую речь на сегодняшнем открытии торжества, и потому вечер и значительная часть ночи были испорчены. В числе здешних депутатов от России никого подходящего для этого дела не нашлось, и университеты помирились на том, что говорить будет Академия. П. очень настаивал на том, чтобы я взялся, и после больших колебаний я все же решился, только сочинять было трудно и страшновато. Вечером же еще пришлось обедать с компанией других делегатов, продлилось до 10 часов, а потом снова принялся за подборание фраз.

Сегодня утром я показывал свою речь П., который вполне ее одобрил, и здешнему профессору-французу, который взялся посмотреть ее и ничего в ней не исправил. Труда было много, а толку мало: страны вызывались в алфавитном порядке, и ввиду того что делегатов было около 500 (много американцев, англичан, французов), наша очередь дошла нескоро, и все устали. Впрочем, мои коллеги остались довольны мной, и после торжества некоторые иностранцы выражали мне сочувствие.

Погода просто отвратительная, как нарочно...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 82-83.

⁷³⁹ Командировка от Академии Наук на юбилей Женевского университета.

Женева, июль 1909

Торжественная сумятица приходит к концу. Сегодня было последнее парадное заседание. Не знаю, останусь ли я в Швейцарии дольше субботы. Погода все время отвратительная, и не могу тебе сейчас сказать ничего определенного. Сейчас выглянуло солнце, а я не поехал на garden party⁷⁴⁰ из-за дождя, и скучно. Если будет продолжаться такая погода, я, кажется, решусь, не заезжая в горы, где теперь плохо, и вернуться через Северную Италию и Brenner⁷⁴¹ на Мюнхен в Берлин, что возьмет еще несколько дней. Сейчас не могу больше не писать, П. ждет меня, чтобы идти на студенческое собрание.

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 83.

Trafoi (Тироль). Июль 1909

В Женеве стало так скучно и нудно, а погода так мало благоприятствовала какой-либо прогулке в горы, что я после некоторых колебаний решил вернуться через Тироль на Мюнхен. В Милане я хорошо провел день. Как только поезд вышел из туннеля, вместо сырости и холода, повеяло теплом. Я никогда не думал, что горный хребет может служить такой резкой климатической границей. Чудесно провел несколько часов в S. Ambroizio и Sta Maria della Grazio. Обе церкви хорошо дополняют друг друга. Побывал и в соборе (но музыки не слышал), и в картинной галерее, и в Castallo XV века. Остановка здесь (Trafoi) останется в памяти чудными впечатлениями. Долина глубокая и дикая, но не слишком замкнутая, хотя и окаймлена высокими горами, а с обоих концов высятся глетчеры. – Завтра выезжаю обратно на Мюнхен...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 83–84.

Рим, апрель 1910

Пишу несколько слов перед первым заседанием. В Анконе, по переезде на вокзал, я успел выбежать на окружающие холмы и полюбоваться видом, а по возвращении на вокзал получил замечание от своих спутников-коллег, зачем их не подождал. Здесь, конечно, суэта большая. Заседания ассоциации растянуты на целую

⁷⁴⁰ Загородный прием (анг.).

⁷⁴¹ Бреннерский перевал на границе между Италией и Австрией.

неделю, причем происходят только утром, а днем делать нечего, и все-таки связан. При этом погода плохая, и приходится сидеть в отеле в общей гостиной с нашей компанией. Из иностранцев, примкнувших к ней, мне симпатичен венский профессор Ш. – старый идеалист. С ним приятно беседовать, так как он интересуется философией.

Завтра нас принимает король, а вечером идем в оперу...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 84.

Рим, апрель 1910

Вчера я провел почти весь день на воздухе, за городом, но с компанией нашей очень трудно что-нибудь устроить. К утреннему поезду опоздали, должны были ждать следующего, впрочем, это время прошло небезынтересно в Музее Диоклетиановских терм в *St^a Maria dei Anzoli*. Во время оставшихся еще 50 минут я предложил своим спутникам поесть, чтобы не задерживаться по приезде в *Castel Gandolfo*⁷⁴². Там я сейчас же потащил их наверх. Места удивительно красивые – озеро в потухшем кратере, окаймленное лесами и городками на высотах. Вскоре, однако, некоторые стали отставать, и мы с Ч. отпустили их обратно, а сами пошли дальше. Я хотел дойти до более красивого озера *Nemi* и обогнуть его на *Gonzano*, что мы и сделали. Места оказались малозаселенными и очень красивыми, а озеро, при вечернем освещении, – обворожительным. В *Nemi* мы наелись земляники и едва успели к поезду в Рим. Прогулка оказалась очень удачной. – Вечером был прием в Капитолии, на который я, с разрешения моего командира З., не пошел. Кроме толкотни и протискивания сквозь кучу незнакомых людей и некоторой потерянности и скуки, я на таких собраниях ничего не испытываю. Сейчас надо снова идти на общее собрание, которое, вероятно, закончится к 12 часам, а там снова можно будет бегать по Риму, только не одному, что иногда очень стесняет...

Сегодня последний день моего пребывания в Риме. Пишу тебе по возвращении из экскурсии конгрессистов в Остию. День прошел довольно интересно, хотя все же трудно с чужими людьми. Мы едем с Ч. через Перуджию и Сиену во Флоренцию...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 85–86.

⁷⁴² Замок Гандольфо.

Равенна, май 1910

Пишу тебе в последний раз. Завтра выезжаем на Вену. Здесь я один провел хороший день среди памятников христианского искусства V–VI века. Таких мозаик я еще никогда не видел. В главном из зданий – баптистерии – я просидел около часа, а так как был уже час закрытия, я просил сторожа запереть меня на некоторое время, что он и сделал...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 85–86.

*Берлин, октябрь 1910*⁷⁴³

Приехал сюда в беготне за справками, официальными визитами и т. д. Я заехал также к профессору Ш., пили чай с его Frau Gemahlin и беседовали с ним о научных вопросах. Вечером едва поспел в оперу, куда отправился с Т. К сожалению, давали пустяки – "Севильского цирюльника", но исполнение, особенно хоров, все же хорошо, и мне было интересно сравнить это произведение в немецком и итальянском исполнении: у итальянцев отдельные голоса лучше, больше непринужденности и грации, у немцев больше выучки и хоры гораздо лучше. – Завтра также предстоит несколько посещений, а может быть, удастся попасть на репетицию первого симфонического концерта Никиша⁷⁴⁴.

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 86.

Берлин, октябрь 1910

Пишу только два слова, очень тороплюсь. Боюсь, что все же придется говорить какие-нибудь речи, и это портит настроение. Кроме торжественного открытия празднеств, ведь еще есть Festmahl⁷⁴⁵, на котором говорят. Из России почти никого нет, и боюсь, что Г. уклонится. Вчера был на концерте Никиша и наслаждался. Был также за городом у Майера, который интересуется вопросами методологии ...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 87.

⁷⁴³ Командировка от Академии Наук на юбилей Берлинского университета

⁷⁴⁴ Никиш Артур (1855–1922) – австро-венгерский дирижер. Руководитель оперных театров в Лейпциге и Будапеште, Бостонского, Берлинского и Гамбургского филармонических оркестров.

⁷⁴⁵ Праздник.

Берлин. Октябрь 1910

Пишу опять только карточку из-за спешки. Благодаря немецкому распределению, в силу которого все иностранные академии должны были образовать одну группу, от лица которой несколько слов сказал президент председательствующей академии – итальянской, мне говорить не пришлось, и я даже оказался таким образом не с русской группой, за которую говорил Т. – Вчера видел много ученых, и с несколькими были интересные разговоры. Сейчас надо ехать на gartenfest⁷⁴⁶, и предвижу скуку...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 87.

Берлин. Октябрь 1910

Сегодня последний день празднеств. Еще предстоит обед с русскими делегатами, в том числе и здешний профессор, известный статистик из русских поляков Б. Вечером обед во дворце, что очень утомительно. Завтра думаю уехать в Дрезден и, вернувшись сюда ненадолго, отправиться в обратный путь. Если бы не мысль, что необходимо немного отдохнуть и что в Петербурге этого не достигнешь, я, конечно, завтра выехал бы прямо на Эйдкунен. В Дрездене побываю в галерее, и как раз два концерта духовой музыки: Бах и Месса, что очень хотелось бы послушать...

ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 87.

⁷⁴⁶ Загородный прием.